

Журнальные замѣтки.

„Сѣверный Вѣстникъ“. Ноябрь. Очень скучно писать обзорѣнія тѣхъ журнальных книжекъ, въ которыхъ нечего обзирать. Надоѣвший до одуренія романъ „Душевныя бури“ и безчисленныя „мимолетныя“ стихотворенія нагоняютъ тоску. Исключеніе составляетъ разсказъ Антона Чехова: „Скучная исторія“. оригинальный по темѣ и по манерѣ изложенія. Разсказъ этотъ ведется отъ лица стараго заслуженнаго профессора, имѣвшаго въ спискѣ своихъ друзей такія имена, какъ Пироговъ, Кавелинъ, поэтъ Некрасовъ, и переносить насъ въ міръ людей науки, сливокъ интеллигенціи. Почтенный профессоръ вступилъ въ такой возрастъ, когда ни честолюбіе, ни слава, ни даже самолюбіе уже не имѣютъ мѣста въ его сердцѣ,—тѣмъ безпошаднѣе, рѣзче отношеніе его къ самому себѣ, къ окружающей средѣ. Эта безпошадность, эта рѣзкость ни есть слѣдствіе самобичующей критики. Онъ относится къ своей жизни, какъ человѣкъ свышійся съ положеніемъ вещей и сознавшій, что это положеніе не можетъ быть инымъ. Но это то хладнокровное констатированіе фактовъ и даетъ тонъ и характеръ безнадежности его запискамъ. Профессоръ такъ характеризуетъ свою научную личность: „Мое имя популярно. Въ Россіи оно извѣстно каждому грамотному человѣку, а за границею оно упоминается съ каедръ съ прибавкою: извѣстный и почтенный. Я трудолюбивъ и выносливъ, какъ верблюдъ, а это важно, и талантливъ, а это еще важнѣе. Къ тому же, къ слову сказать, я воспитанный, скромный и честный малый. Никогда я не соваль своего носа въ литературу и въ политику, не искалъ популярности въ полемикѣ съ невѣждами, не читалъ рѣчей ни на обѣдахъ, ни на могилахъ своихъ товарищей“. Такова одна сторона этого человѣка. Другая область—сердце и всѣ съ нимъ нераздѣльно связанныя человѣческія чувствованія—меньшую роль играли въ жизни профессора, который говоритъ: „испуская послѣдній вздохъ, я всетаки буду вѣрить, что наука самое важное, самое прекрасное и нужное въ жизни человѣка, что она всегда была и будетъ высшимъ проявленіемъ любви и что ею только одною побѣдить человѣкъ и природу и самого себя“. Человѣкъ такъ глубоко преданный наукѣ съ грустью долженъ сознавать свою старческую немощь и слабость, и въ силу этого необходимость покинуть кафедру. Неподдѣльной грустью звучитъ признаніе: „совѣсть и умъ говорятъ мнѣ, что самое лучшее, что я могъ бы сдѣлать—это прочесть мальчикамъ прощальную лекцію, сказать имъ послѣднее ласковое слово, благословить ихъ и уступить свое мѣсто человѣку, который моложе и сильнѣе меня. Но, пусть судитъ Богъ, у меня не хватаетъ мужества поступить по совѣсти“. Будучи полнымъ силъ и энергіи, всецѣло поглощеннымъ наукой, профессоръ отошелъ отъ жизни: она мало интересовала его. Отъ нисѣннаго стола въ университетъ и обратно—вотъ въ чемъ заключалась жизнь этого человѣка долгіе, долгіе годы. Тридцать лѣтъ лучшихъ годовъ человѣческой жизни, отданныхъ на служеніе тому, что вносить свѣтъ и довольство въ эту же самую жизнь, дали въ результатѣ для этого чловѣка славу, ордена, чинъ тайнаго совѣтника и мучительную болѣзнь. Онъ отвернулся когда то отъ жизни, и послѣдняя, какъ бы мстя за былое равнодушіе, не дала ему ничего въ утѣшеніе, когда, вмѣстѣ съ ожиданіемъ приближающейся смерти, явилось желаніе сочувствія, ласки, поддержки... Семья, видѣвшая въ немъ только тайнаго совѣтника, обязаннаго ее содержать; профессора, поддерживающіе съ нимъ самое внѣшнее обязательное знакомство, студенты, боящіеся за выпускные экзамены—всѣ они какъ бы забывали о его человѣческихъ потребностяхъ... Но послѣдній ударъ нанесла ему жизнь—это тогда, когда на единственное, понимавшее его существо, дочь его умершаго друга—Катю, обрушилось несчастіе, какое, все равно. Полное безсиліе предъ непонятною жизнью слышится въ его отвѣтъ этой женщинѣ: „ничего не могу я сказать тебѣ, Катя, по совѣсти, не знаю...“ и напрасно она ломаетъ предъ нимъ руки, дрожитъ и мо-

литъ: „Ради истиннаго Бога, скажите скорѣй, сію минуту, что мнѣ дѣлать!..“ онъ жалѣетъ ее, но не знаетъ, не умѣетъ помочь ей... Читатель не знаетъ, кого болѣе жаль ему въ данную минуту—эту ли измученную женскую душу, съ тоской спрашивающую: что дѣлать? или съ отчаяніемъ глядящаго на нее почтеннаго профессора и отвѣчающаго съ меньшей тоскою: „не знаю“. Можетъ быть, въ первый разъ въ жизни почтенный профессоръ созналъ, что не одной наукой живъ человѣкъ. Но созналъ ли?... Это осталось невьясненнымъ авторомъ.

Статья г. Елисева: „Будущее женщины на Востокѣ“ служитъ какъ бы конечнымъ выводомъ изъ всѣхъ его статей о положеніи женщины на Востокѣ, печатавшихся въ прошломъ году въ „С. В.“ Авторъ многочисленными примѣрами доказываетъ, что духъ эмансипаціи коснулся и восточной женщины. Трудными путями идетъ она къ своему освобожденію. Страшною смертію погибла первая поборница женской свободы персіянка Тагирэ—она была сожжена на кострѣ. Но съ тѣхъ поръ многое измѣнилось, и ориенталка—эта „угнетенная и подавленная вѣками рабыня, безъ всякаго образованія и примѣра, одною своею энергичною оппозиціею успѣла сокрушить гидру многоженства и добиться моногаміи, введенной почти въ законъ для трехъ четвертей мусульманскаго міра“... Будущее освобожденіе ея обезпечено.

Въ областномъ отдѣлѣ „С. В.“ помѣшена статья г. Яковенко: „Ложь и правда въ вопросѣ о перьяскомъ институтѣ агрономическихъ смотрителей“. Мы не станемъ разбирать содержаніе этой статьи, но вполне согласны, какъ въ принципахъ, такъ и въ частностяхъ съ ея авторомъ. Всѣхъ интересующихся вопросомъ о перьяскихъ агрономахъ отсылаемъ къ работѣ г. Яковенко обстоятельной, безпристрастной и, кажется, вполне разъясняющей этотъ жгучій вопросъ.

Н. Остроумова.

Оби

за-
ре-
во-
бы
ба-
од-
од-
со

бе-
щ-
пу-
на-
ко-
по-
пс-
сл-
М-
ш-
ни-
су-
ул-
ус-
ли

р-

ч-

ж-

сі-